

18+

Денис Мещеряков

Проект «АДА»

Денис Олегович Мещеряков

Проект «АДА»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50761829

ISBN 9785449819048

Аннотация

Наше время. Столица Урала. Обычная и заурядная жизнь немолодого психолога превращается в настоящий ад после получения предсмертной записки и фотографии бывшего пациента. Сможет ли Павел справиться с будоражащими сознание кошмарами, а главное – понять, как они связаны с самоубийством его пациента, и при этом не сойти с ума?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Проект «АДА»

**Денис Олегович
Мещеряков**

© Денис Олегович Мещеряков, 2020

ISBN 978-5-4498-1904-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Смерть одного из моих давних пациентов повергла меня в шок. Это произошло рано утром. Я встал и только успел умыться, как раздался звонок. На другом конце была Лилия Каримова, директор Свердловской областной психологической больницы.

– Доброе утро, Паш. Извини за ранний звонок, но... он умер... Покончил жизнь самоубийством... – сказала Лилия

– Как?! Из-за чего?

– Его нашли с проломленной головой в общей полате, рядом с кроватью. Боже. Даже говорить трудно. Судя по следам крови на стене, он самостоятельно разбил её... – она помолчала, видимо, переваривая произошедшее. – Мы нашли записку. На ней написано твое имя. Я не показала её полиции и тем самым нарушила закон, но что-то настоятельно мне подсказывает отдать её именно тебе.

– Хорошо. Спасибо, что позвонила.

– Соболезную. Он был хорошим человеком.

– Я знаю... еще раз спасибо. Постараюсь сегодня заехать.

«Утро началось не с кофе. Я не знал, что и думать. Олег был здоров. И суицидальные настроения почти за девятнадцать лет в нем никак не проявлялись. За все время нашего знакомства он был скрытен и замкнут, но в его глазах всегда была жизнь. Что же могло заставить его так поступить?»

Я отправился в больницу около десяти утра, когда пробки по городу более или менее рассосались, и можно было без особых усилий проехать по объездной.

Олег, Боже. Сколько времени прошло? Познакомился я с ним, когда уже работал года два психологом. Тогда я еще был молод, мне было лишь двадцать четыре года, и только закончил бакалавриат, учился на магистра, на заочке.

Его привезла ко мне бабушка, Галина Федоровна. На тот момент ему было лет девять и родители беспокоились, что у него будет психологическое расстройство, с тем учетом, что он потерял брата и больше не видел мать и отца. Это явление было частым, после того как развалился СССР и по всей России пробежала волна анархии и разрушения. Тысячи детей оставались без родителей, с сестрами, с бабушками, и это если повезло. Зачастую они просто оставались одни на улице, либо их подбрасывали в детские дома. К счастью данная ситуация за почти двадцать лет, хоть и немного, но улучшилась.

Олег рос не в благополучной семье. Только с бабушкой, но на тот момент она еще работала и могла обеспечить внука всем, чем нужно. Обстановка была для роста молодого мозга не сказать, что наилучшей, но и плохой её не назвать. Единственное, что у него не было друзей как таковых, только одноклассники и однокурсники. Он был молчалив и разговаривал только с бабушкой и со мной; и то не сразу, лишь через пару сеансов.

Из всего этого я не понимал, почему его решили привести ко мне? Ответа так и не получил за все время, что общался с Олегом и его родителями. Он не знал, а Галина Федоровна не говорила, хотя было видно, что дело тут не только в том, что мать с отцом не хотели его видеть сына.

Я подъехал к красно-белому зданию, по форме напоминавший обрубленный трезубец без рукоятки. Здание было построено до перестройки и не ремонтировалось, по крайней мере, внешняя часть. Все так же стояли деревянные окна, небрежно покрашенные в белый цвет, с решетками на первых этажах.

Меня встретила Лилия. Она все так же была стройна и красива. Белый халат подчеркивал её черные как смола волосы и самые неземные глаза, которые я всегда видел, лишь закрывая свои.

Мы поприветствовали друг друга, и она проводила меня в свой кабинет. Мы молча поднимались, думая каждый о своем. О чем думала Лилия, я мог только догадываться. Возможно, о многочисленных делах главного врача, которых со смертью Олега стало вдвое, а может и втрое больше. Не представляю даже, сколько бумажек ей необходимо заполнить, подписать, сколько печатей поставить. Россия, страна бюрократов. Думается мне, это из-за лесов. Таежных лесов на севере страны, из которых делается бумага. Но так думаю только я. Почему? Не знаю, может, потому, что мы можем благодаря этим лесам обеспечить нашу страну огром-

ным количеством бумаги. Странное предположение, но почему бы и нет. Есть, конечно, более рациональное объяснение, но оно мне пока неизвестно. Как неизвестны и мысли Лилии, пока мы поднимались на четвертый этаж.

Мед братья и сестры ходили по коридорам занятые своими делами. Пациенты думали, что заняты какими-то своими делами, и поэтому так же ходили по коридорам.

Мне всегда было любопытно наблюдать за людьми. Каждый был по-своему красив, что ли. В особенности, с психическими расстройствами. Для них весь мир не стабилен и не нормален. Для них мы не нормальные, чокнутые, нестабильные. Мы для них занимаемся чем-то несурзным и странным. Забавно, не правда ли? Что же происходит в их голове в моменты помешательства? Уверен, не только я занимался таким вопросом. Я часто встречал рассказы и выписки из газет прошлого века, когда лечение психологических болезней претерпевало ренессанс. Когда вопрос о том, что находилось в голове больных, воспринимался в прямом смысле, и чтобы узнать, им попросту раскалывали голову по полам. Мда... как они это делали, чтобы сохранить в целостности мозг, интересно?

Мы зашли в кабинет. Я отдышался, курение никогда не шло мне на пользу, да и возраст давал о себе знать. Слева от входа стоял большой шифоньер вдоль всей стены от входа и до окна, полностью забитый книгами. Учебной литературой в основном. Справа от входа на стене висели различные

сертификаты и дипломы Каримовой Лилии Александровны. Не просто так же она заняла пост главного врача в первой психиатрической больнице столицы Урала. Посередине стоял большой монолитный стол, выполненный из какого-то дерева, вероятно, из дуба или из сосны. Коричневый, покрытый сверкающим на солнце лаком, с резными орнаментами по краям.

Я сел в одно из двух кожаных кресел, стоявших напротив стола. Лилия села в свое, директорское кресло.

– Паш, еще раз прими мои соболезнования. Я не знаю, как это произошло. Все было нормально. Он вел себя обычно, даже хорошо. Молчалив и застенчив, но ты говорил, что он всегда был таким. Мы и предположить не могли, что такое может случиться.

– Лиль, – сказал я. Реакции не последовало. Может уже простила меня? – все хорошо, не переживай, мы с тобой понимаем, что этого не вернешь и уже ничего не сделаешь. Нам остается только понять, что могло повлиять на такой исход. Ты говорила, он оставил записку мне? Она у тебя?

– Да. – она открыла верхний ящик в столе и достала аккуратно сложенные листы бумаги.

– Ого! – удивился я – Эта та записка?

– Ага. Вероятно, он писал её несколько дней. К сожалению его дневник мы не смогли сохранить, его забрали оперативники.

– Очень жаль. – Сказал я, забирая рукописи из рук Ли-

лии. — Я могу также посмотреть на палату, где он находился?

— Да, но мне кажется ты там точно ничего не найдешь. Все, что можно, забрала полиция, даже щетку для зубов; на кой им щетка то сдалась, не понимаю.

— И все же...?

— Да, да, конечно. На втором этаже, сразу налево после лестничного пролета и до конца. Там будет общая палата из девяти койко-мест. Его была в крайнем левом углу, рядом с небольшим столом.

— Спасибо большое, Лиль. За то, что присматривала за ним.

— Ну, особо тут благодарить не за что... Ты извини, что не провожаю. Очень много бумажной работы. После того, как назначили главврачом, я не вылезаю из этих стопок бумаги, да нас решили переселить, поэтому... извини.

— Понимаю. До встречи. Надеюсь, в следующий раз увидимся при более приятных обстоятельствах и в месте по лучше.

— Будем надеяться. Всего доброго, Паш.

Она принялась разгребать кипы бумаги, стоящие на столе. Я встал и вышел из кабинета. Спустился на второй этаж и зашел в палату где ранее нашли труп Олега, прямо напротив его спального места.

В палате никого не было. Койки были пусты. Видимо пациенты были на процедурах или на прогулке. Или их просто всех на время переселили в другие палаты, чтобы не вызы-

вать панику и так у эмоционально неустойчивых больных.

Я подошел к столу. На нем ничего не было. Это был простой пластмассовый стол на алюминиевых складных ножках. Вероятно, его поставили по просьбе Олега. Кто-то из санитаров был его поклонником. Олег был писателем. Неплохим. Рассказывал, что смог построить дом, благодаря ипотеке конечно – в России сейчас без нее никак, но гонораров с продажи книг хватало, чтобы вовремя её гасить. Жаль, что он больше не напишет.

Осмотрев стол и тумбочку, я не нашел ничего, все было вымыто и убрано; может, санитарями, может, полицейскими. Посмотрел в окно, выходящее на парк, где гуляли больные. «Значит, все-таки прогулка» – подумал я.

– Что же подвигло тебя, мой друг, сделать такое с собой? – этот вопрос не давал мне покоя с самого утра.

Я знал, что ответ кроется в его последнем письме, но почему его не показали полиции? Да, оно адресовано мне, но это же существенная улика, которая могла бы прояснить ситуацию. И его невозможно было не заметить при обыске. Значит, его нашли санитары, когда обнаружили тело.

Я не стал возвращаться к Лилии, чтобы расспросить. Это не совсем моё дело. Все-таки она прочитала то, что там было написано до того, как приехала полиция, и написанное побудило её отдать непосредственно мне эти записи. Я так и не решил прочитать их сразу, потому как не смог долго находиться в помещении, полностью пустом и холодном, слов-

но окоченевший труп. Как пустая бездна, оно будто бы высасывало из меня душу. И меня не покидало ощущение, что кто-то есть рядом. Может Олег? Его остаточная проекция, мысли, чувства, может они до сих пор витали в этой комнате, а может что-то еще.

Выйдя из здания, я сел в машину и направился в свой офис, находившийся в центре Екатеринбурга. Часы показывали половину одиннадцатого. Как ни странно, клиентов сегодня было немного, девушка-подросток, с комплексом неполноценности из-за развода родителей. Банальная история, о которой не задумываются родители и не знают, какой вред в итоге наносят своему ребенку. Ещё вдова, двадцати лет от роду, которая посещала меня лишь для виду перед родными своего почившего мужа, скончавшегося от сердечного приступа в возрасте семидесяти восьми лет. Как необычно.

Глава 2

Попрощавшись с последней клиенткой, я решил отпустить секретаршу пораньше и побыть в офисе один. Многое стоило обдумать. Не хотелось ехать домой, там все равно никто не ждал.

Из окна на одиннадцатом этаже одного из бизнес-центров открывался чудесный вид на вечерний город. Солнце начинало потихоньку приближаться к горизонту. Задержался я дольше, чем рассчитывал.

Я сидел в своем кресле, повернувшись к окну, из которого открывался панорамный вид на железобетонные и стеклянные монументы, словно вытесанные руками человека из монолита.

«Ты боишься, боишься его письма. Письма человека, который был самой большой загадкой в твоей жизни. Ты так и не смог понять, в чем была проблема, и помочь ему, по-настоящему помочь. В его письме ты боишься, что все раскроется. Так просто. Без каких-либо умозаключений и раздумий. Все будет написано черным по белому. И ты злишься, что не ты решил эту загадку».

Переборов все свои эмоции и взяв все под контроль, я достал из сумки сложенные вдвое листы бумаги. «Для Павла Александровича». Ты так и не престал называть меня по имени и отчеству.

«Здравствуй, Павел Александрович.

Прошу простить меня, что мои слова ты читаешь, а не слушаешь. Уверен, ты знаешь о стечениях обстоятельств, благодаря которым я оказался тут. Но не знаешь, что именно им предшествовало.

Поэтому это письмо адресовано в первую очередь тебе мой друг, а потом, на твоё усмотрение, можешь либо опубликовать его в какой ни будь газетке, либо оставить себе на теплую память обо мне; ибо эта записка должна оправдать меня, по крайней мере, в твоих глазах. Я прошу, чтобы ты к сказанному ниже отнесся со всей серьезностью и поверил мне, как я верил тебе. Ты меня часто спрашивал, что случилось со мной? По какой причине бабушка решила отправить меня к тебе на лечение? Но из-за того, что я не помнил, я не мог тебе этого сказать. Но из-за прошедших событий в мою голову вернулись частички когда-то разрушенных воспоминаний, и я составил картину целиком. Я для тебя так же составлю её по крупицам моей памяти и начну с самого начала. Знаю, многое для тебя известно, но, чтобы пазл картины моей жизни сложился полностью, необходима каждая деталь.

Первое, что я помню, это была комната. Светлая комната времен СССР. Большая антресоль, стоявшая у стены. На противоположной стороне стоял пружинный, двухместный диван. Обтянутый тканью, с деревянными темно-коричневыми подлокотниками, накрытый покрывалом с бахромой. На стене над диваном висел актуальный для того време-

ни ковер. Красного цвета с разнообразными узорами цветков и растений. Каждая середина всех четырёх сторон скрепляла золотистая полоса, образуя узор ромба. В середине образовавшегося узора находились распустившиеся бутоны роз лилового цвета, как будто бы живые, растущие прямо из стены. Рисунок был идентичен тому, что был на покрывале дивана. По всей видимости, на тот момент это был писк моды. Солнце откуда-то сверху испускало свои лучи в эту небольшую комнатку. Я очутился, непонятным мне образом, на кушетке, стоявшей возле окна спальни. На мне были шорты тёмно-синего цвета и такого же тона футболка. Люблю синий цвет. На тот момент мне было года три, а за окном стояло лето тысяча девятьсот девяносто первого.

Услышав, как замок в двери начал поворачиваться, я вскочил и выбежал в коридор пятикомнатной квартиры, которая принадлежала матери моего отчима. На пороге уже стояла моя мама в спортивной одежде и держалась за ручку огромной белой детской коляски, накрытой вуалью. Сзади стоял её мужчина, с бутылкой пива в руке. Она протянула мне батончик шоколада, сделанного из звезд млечного пути. В знак поздравления с появлением у меня младшего брата, меня даже удостоили чести назвать его. Решил назвать в честь лучшего друга, коим на тот момент был мальчишка младше меня на год по имени Саша. После этого я не совсем помню, как пролетели пару лет, и мой брат уже мог ходить и говорить. Я помню только попой моей мамы и отчима, вме-

сте со мной. Пиво, которое они давали мне, было вкусное, по-моему, медовое. И я в какой-то мере рад этому, потому как именно из-за этих попоек я иногда испытываю отвращение к спиртным напиткам.

Мы жили в почти разваливающимся общежитии. На первом этаже однокомнатной квартиры, примерно девятнадцати квадратных метров вместе с кухней и ванной. Прихожая плавно и буквально сразу переходила в кухню. Слева от входа стоял столик, на котором находились приборы для готовки, в том числе электрическая плитка с лишь одной работающей комфоркой. Напротив столика находилась раковина и дверь в уборную. Под раковиной со временем появилась небольшая щель, через которую вылезали здоровенные крысы. Мы с отчимом ловили их при помощи разделочной доски и железного тазика и выкидывали в мусорные баки. Но что-то мне подсказывало, что они возвращались в свои норы под нашей квартирой, так как контейнеры под мусор находились всего-то в пятидесяти метрах от нашего дома, и я ночью порой видел, как небольшая тень трусила в сторону дома. Не помню, каким цветом были стены комнаты, но отчётливо помню красные, плотные шторы, впитывающие весь никотин, выпускаемый моей мамой и её уже, на тот момент, не столь молодым человеком.

С братом мы спали на двухъярусной небольшой кровати. Мама с отчимом спали на двухместном диване у другой стены. У единственного окна в комнате стоял коричневый рас-

кладной стол. Огромный даже в сложенном состоянии, неподвижный и вечный.

В верхнем левом углу находился на подставке маленький ламповый телевизор. В этой небольшой квартире, я провел лишь семь лет своей жизни. Брат меньше.

Глава 3

Интересующий Вас день начинался обыденно. Он шел за днем рождения моего брата, тогда ему исполнилось четыре года. Я встал, как всегда, рано, брат и мама еще спали, отчима не было дома. Саша встал вслед за мной. Он все повторял за мной, это свойственно младшим братьям или сестрам. Как и то, что он постоянно ходил за мной, как хвостик. Ввиду разужанной жизни родителей, я был так же распушен и не упустил возможности улизнуть на улицу и отправиться в удаленные и заброшенные места нашего города и местных поселков.

Делал я это, конечно, с друзьями. Не поверите, но у меня были друзья, причем отличные. Убегали мы, дабы утолить жажду приключений, ну и в частности для того, чтобы в столь молодом возрасте покурить, собранные во время похода бычки сигарет, с друзьями в кустах, устроенных как пещера, накиннанная из густых, сломанных веток; или где еще, где никто бы не мог нас увидеть. Кроме моего младшего брата, который всегда сновал за мною. Он конечно даже и не думал заниматься разрушением своего здоровья, но не упустил возможности пожаловаться родителям о том, что этим занимался я. Вследствие чего я очень часто и сильно получал армейским ремнем отчима по всему телу, с такой силой, что искры летели из глаз. И так как я был худощавого телосложе-

ния, то иной раз отключался и просыпался стоя в углу возле туалета, с окровавленными и ломящими от боли руками и ногами, которыми старался прикрыть голову и жизненно важные органы.

Поэтому я пытался всячески избегать брата и пытался незаметно уйти из дома или скрыться из его виду, дабы он не смог меня сдать родителям. Но он умудрялся постоянно нас находить, вследствие чего я очень сильно получал дома.

В этот день, мы с моими друзьями из двора собирались пойти в заброшенное здание, находившееся за общежитием. Раньше никто из нас не осмеливался туда зайти, особенно в подвал, так как мы были напуганы рассказами старших поколений о женщине, которая сгорела заживо; и ночами, находявшись рядом с ним, можно было услышать её вопль.

Но жажда приключений была сильнее и превзошла животный страх. Поэтому группа детей из пяти человек, с шести до восьми лет, собиралась в поход в здание, похожее на квадрат. С крыши из черепицы, имевшей четыре этажа из красного кирпича и большие, панорамные и разбитые окна, находившиеся только с лицевой стороны здания.

Самым главным было избегать брата, чтобы он, не дай бог, не увязался за мной. Мама все время пробыла дома, смотря какие-то телепередачи. Отчима так и не было весь день.

Смеркалось.

Я незаметно вышел во двор, в котором находилось шесть деревьев вдоль тротуара, после чего было пустое поле, заме-

няющее нам футбольную площадку с воротами, выстроенными из наиболее толстых веток деревьев. Свернул за угол и наткнулся на своих соплеменников. Иначе я их назвать не мог. Остальные, узнав о том, что мы намеривались сделать, шарахались и крутили пальцем у виска, провозглашая нас идиотами.

Жажда чего-то нового, неопознанного, а в особенности ужасающего сплотила нас. Эти же чувства не давали мне покоя дома, я при любой возможности и в любую погоду убегал и терялся на весь день. К тому же мне не прельщало похабная и беззаботная жизнь моей мамы и её ухажёра. Я не мог на него смотреть после того, что видел ночью, лежа на втором этаже двухъярусной кровати. Да и меня всегда мучило из-за того, что они пытались меня напоить и от души посмеяться над пьяным маленьким дитём. Моего брата, к счастью, данная ситуация обходила стороной, так как он был младше и по всей видимости из-за того, что он был первенцем отчима.

Наш отряд состоял из парней соседних дворов. Так как в моем либо не было таких же «адекватных», с горящими глазами, энтузиастов, либо они уже выросли и единственным занятием у них было это распитие пива или чего покрепче. Даже мои верные друзья отказались идти со мной, утверждая, что этого не стоит даже новая игровая приставка.

Я был удивлен, когда в руках своих соплеменников увидел палки, обмотанные тканью, похожими на факелы из приклю-

ченческих фильмов. Мне лишь удалось раздобыть только маленький китайский фонарик из кармана маминого пальто. Светил он слабо, но выбора у меня не было.

Собравшись с силами и дождавшись остатков соплеменников, мы подошли к задней стороне проклятого здания. Тут была только железная дверь, которая находилась на таком же железном подмостке серого цвета, покрывшемся ржавчиной настолько, что серого цвета почти и не было видно. Мы лишь стояли и ждали, когда один из нас наберётся смелости подняться и открыть дверь.

– Так на нем замок! Смотри, какой огромный. Мы его во век не откроем. Пошли обратно. – крикнул один из толпы.

Сначала все будто бы замерли, переваривая поступившую информацию, затем вся наша шайка выдохнула с облегчением и стала бурно обсуждать, что делать дальше. Самые смелые и отчаянные стали предлагать сломать замок, ведь не зря же мы все собрались здесь и прекрасно понимали, что, вернувшись домой, полюбому получим по полной программе от родителей и лучше получить за что-то, а не просто за прогулку. Посыпались возражения с другой стороны, так как такой замок сломать невозможно, если конечно среди нас не затесался начинающий медвежатник, после чего начались выяснения, кто такой медвежатник и сможет ли он своей лапой сломать замок.

В конце концов мне пришлось подняться и проверить за-

мок. Я был не очень общителен, поэтому что-то обсуждать не хотел, да и не видел смысла, к тому же, гул от наших споров становился громче и мои родители могли слышать нас. Наша операция подвергалась провалу.

Поднявшись на поддон и подойдя ближе к замку, я дернул его, и он открылся. По всей видимости замок либо разъела ржавчина, либо попросту последний уходящий забыл закрыть на ключ.

Все замерли. Был сделан шаг к неведомому и это завораживало. Мы стали прислушиваться, но ничего. Мы так и не слышали вопли бедной женщины, которую сожгли заживо. Поэтому набравшись смелости, я приоткрыл дверь, на сколько это было возможным. Мне в нос ударил смрад, запах затхлости и гари. Настолько это было неожиданно и невыносимо, что из моих глаз брызнули слезы и я отстранился, чуть не упав. Все стояли и смотрели, ожидая, когда что-то или кто-то вылезет из щели и заберет всех своими щупальцами. Осознав, что все-таки произошло, они залились громким хохотом. После чего поднявшись все вместе начали пытаться открыть дверь по шире, так как благодаря моим стараниям щель была лишь в сантиметр. В ход шло все, что могло помочь: от палок с намотанной тряпкой до ругательств, которые на тот момент могли знать малолетние дети.

Приоткрыв достаточно железную дверь, чтобы любой из нас мог протиснуться в проем, все почувствовали зловонный смрад из темных глубин прошлого. Оклемавшись, от-

харкавшись и придя в себя от запаха, мы, не теряя ни минуты, начали пролазить внутрь. Я протиснулся последним. Было темно, несмотря на то, что через щель в двери, через которую мы вошли, проливался бордовый солнечный свет. Темно было из-за плотного скопления детей на относительно небольшой лестничной площадке. Никто не осмеливался спускаться ниже по ступенькам, и всем приходилось толпиться наверху.

Высокий, для своих лет, парнишка, белобрысый и с большими передними зубами, похожими на кроличьи, все-таки решился ступить на лестницу пониже и зажечь спичками один из факелов, но мы так и не смогли ничего увидеть, только ступеньки, ведущие в темную бездну страха и отчаяния. Мы стали медленно спускаться, синхронно, как один живой организм, дыша при этом в такт сердечному ритму, который учащался при виде новой ступеньки, озаренной самодельным факелом.

Мы двигались медленно и бесшумно, отодвигая ногами мелкие камни, отколовшиеся от литых бетонных плит над нашими головами под действием гравитации. Пройдя с десятков ступеней, мы наконец-то вышли в небольшое помещение, пустое и холодное. Оно было нетронутым. Стены, как будто бы покрашенные в белый цвет совсем недавно, и всё! Ничего примечательного. По правую руку от лестничной площадки был проход, в который мы завернули, не думая. Дальше оказался коридор, несоизмеримой, на тот мо-

мент, длиной, так как лучи факелов не касались крайней стены прохода. Пахло гнилью и гарью сильнее. Мы стояли не как вкопанные. Боялись все. Это чувствовалось в дрожании света факелов. Тьма в конце коридора завораживала, манила и звала нас к себе, и мы пошли.

Продвигаясь вперед, я старался своим фонариком заглядывать в каждый открытый проем, но лишь разочарование ждало меня, ведь были только пустые комнаты с белыми стенами.

Неожиданно хлопнула железная дверь, находящаяся наверху, и в нос, с новой силой, ударил отвратительный запах. Сочетание гнили, разложения и горелой плоти, было настолько сильно, что из глаз брызнули слезы и половину отряда стошнило сразу. После они ринулись прочь в страхе перед темнотой, которая скрывала в себе нечеловеческий ужас.

– Вероятно, просто ветер... – попытался объяснить, вглядываясь в темноту, белобрысый школьник, но не сработало.

Остались лишь я, наш негласный лидер, чье лицо не показывало никаких эмоций, и рыжий, худенький паренек, который трясся от страха, но при этом и не думал шагнуть назад.

Я не совсем помню, как звали этого паренька, по-моему, Гриша. Как и второго, взрослого, который вел нас. У меня очень плохая память на имена, к тому же после этого подвала я их больше не видел.

Гриша поднял один из факелов, который уронили убежавшие от мрака, омерзительного запаха и ужасов. Поджег его

и вроде как-то приободрился, зная, что в случае чего может дать отпор тому, что таится в темноте. За все время нахождения мы так и не услышали криков сожженной женщины и не заметили ничего необычного. Поэтому продолжали идти вперед, даже несмотря на тошнотворный, выворачивающий все наизнанку запах, и в какой-то момент мы поняли, что факела и мой фонарик больше не могут осветить стены и потолок.

Пройдя чуть дальше, мы начали замечать, что все становилось черным. Стала появляться копоть от гари на стенах, полу и потолке. Мы насторожились и замедлились, вслушиваясь в тишину. Пытались услышать хоть что-то удаленно напоминавшее крики, но тщетно.

Стало прохладнее. Я начал дрожать, толи от страха, толи от холода. Коридор не заканчивался, и не было ответвлений и комнат. Мои коллеги так же начали дрожать. Огонь от факелов метался из стороны в стороны, и они потихоньку начали утихать, из-за чего мысль идти дальше стала посещать меня все чаще. В какой-то момент я решился оставить этот поход. К тому же запах сводил сума, и я еле как сдерживал свой ужин.

Мы вышли в пустую огромную комнату. Не было ничего видно, лишь под ногами начало появляться какое-то отвратное полотно с жилками и венами, напоминавшими человеческие.

Я старался уговорить их уйти и оставить все. Лишь бе-

зумец продолжил бы путь, но они были будто бы в трансе и не подавали признаков, что слышали меня. Страх пробрался в мою черепную коробку, и я помчался назад со всех сил. Пробежав приличное расстояние, я остановился что бы передохнуть. Свет факела давно исчез, а мой китайский брелок не мог должным образом осветить мой путь. Но ведь коридор был один и мне просто нужно было идти вперед, верно? Что я и делал, но гарь на стенах не заканчивалась.

Неожиданно я наткнулся на проем еще чернее, чем стены вокруг. Мне показалось, что его тут раньше не было, или же я свернул не туда. Я посмотрел по сторонам, но из-за слабого освещения не было видно абсолютно ничего. Я решил заглянуть внутрь. Зловоние усиливалось, как будто бы я шел вглубь этих катакомб, а не на выход, но моё чрезмерно большое любопытство не оставило мне шансов на спасение от того, что было в глубине мрака.

Я по сей день вспоминаю и корю себя за то, что не послушал свой голос разума, который вдалеке, на фоне непрекращающегося трепетания сердца и невыносимого желания обследовать все вокруг, давал мне всяческие предостережения об опасности. О том, что нужно было просто развернуться и помчаться к выходу, наплевав на все, как сделали это другие. Я помню этот момент отчётливо, а после, вспоминая, я помню еще больше, чем смогли заметить мои глаза в той темноте.

Помню своего младшего брата. Который все это время

шел за мной сзади. Который крался в темноте, чтобы я его не увидел. И ведь он не испугался ничего: ни запаха, ни мрака, ни криков моих соплеменников, и продолжал идти за мной незаметно и тихо. Зная, что если я его увижу, то очень сильно разозлюсь, а, может, даже пошлю домой.

И он зашел вместе со мной в ту черную комнату. Заметил я его только после того, как прошел вдоль стены по левую руку. Где стояла обгоревшая мебель. Что это была за мебель – трудно сказать, огонь был настолько силен, что от неё ничего не осталось, только небольшие железные прутья да пружины.

– Ты что тут делаешь? Как ты пролез сюда?

– Я... я... Просто шел за тобой, вот и все. Я слышал, как ты собирался в этот подвал и очень хотел с тобой, но знал, что ты меня не возьмешь. – на его глазах начинали наливаться слезы, он зашмыгал носом – Мне страшно, Олежа...

– Ну, ну, тихо, не реви, мы тут не одни, так что не пугай остальных. – я прижал брата к себе и постарался его успокоить. – Раз страшно, зачем же ты полез сюда?

– Я думал догоню тебя и не будет так страшно. А кто здесь еще есть? Призраки?

– Нее, наверно. – я ухмыльнулся. – Тут остались еще пара парней, они пошли дальше. Я решил пойти обратно, так как устал, да и нет тут ничего интересного.

– А зачем ты пошел сюда? Тут еще страшнее обычного.

– Я тут не был, когда мы шли вперед, и это единственная комната, где есть мебель. Видимо кто-то жил тут. Мо-

жет, есть что-нибудь интересное. Представляешь, найдем игровую приставку, или видеомаягнитофон, или просто маягнитофон?! – сказал я, дабы слегка успокоить Сашу.

– Ого, тут прям это есть? – с нескрывааемым интересом спросил он и начал внимательно рассматривать комнату, не отходя от меня ни на шаг.

– Может быть.

Я продолжил обходить комнату по левой стороне, нащупывая стену рукой, так как фонарик не справлялся с крошечной тьмой стен и окружающего пространства. Он мог осветить только несколько сантиметров впереди меня. Пожар и правда был сильным, от обнаруженной мебели почти ничего не осталось.

Старшиики мне рассказывали, что им рассказывали, как тут горело все. Это здание было банком. Его построили в то же время, что и завод фарфоровых изделий, который являлся градообразующим предприятием. Банк был местный и за нашим городом о нем никто не слышал. Пожар произошел в семьдесят третьем или пятом годах, точно сказать уже никто не мог.

Пламя колыhalo снизу-вверх. Все здание было эвакуировано, но из подвала доносились ужасающие крики. Сводящие с ума, пронзительные вопли. Поначалу они напоминали женские крики, но затем они перешли на животный вопль. Воплощающий в себе демонические звуки и душераздирающий рев непонятного существа, что скрывалось за этими же-

лезными дверьми. Пожарные тщетно пытались открыть её, но получилось у них это только после того, как крики прекратились.

Найти ту бедную женщину и причину возгорания никому не удалось. После этого здание оставалось заброшенным. Те, кто помнил это происшествие, не осмеливался подходить близко к нему, с болезненными воспоминаниями о том, что они слышали. Следующее же поколение уже на генетическом уровне сторонилось заброшенного и пугающего своей одинокостью здания. Заметив краем глаза что-то белое, лежащее посреди пепла и обломков посередине комнаты, я подошел к небольшой кучке золы. Брат не отставал. Подойдя ближе, я обнаружил белый край листка, торчащий из груды сожжённых остатков, видимо когда-то представляющих собой столешницу.

Я потянул за край и вытащил почти целую фотографию. Моему удивлению не было предела. Из-за того, что все вокруг было сожжено дотла, даже железные элементы были слегка расплавлены, но эта, выцветшая фотография была почти цела, она только обгорела с левого края. Фон был неразличим, похожий на стену и пол, сливающиеся в одно белое полотно. По центру стояли мальчик и девочка. Лицо мальчика было ровно в том месте, где был обгорелый край, но девочка, она завораживала. Она была одета в черную мантию длиной до колен и держала за руку мальчишку. Завораживала не сама фотография, а глаза девочки, гла-

за, которые только и были видны. Черные как мрак, в котором мы пробирались, и бездонные, словно пустота вселенной. Я смотрел в эти глаза, пока не услышал пронзительный крик, ужасающий и раздирающий душу изнутри. Не похож ни на один из мне знакомых, а я слышал много, из-за тонких стен в общежитии, и в частности, то, что творилось ночью у нас в небольшой квартире. Крик усиливался, и я не смог выдерживать больше этого вопля. Он касался каждого кончика моих нервов, и я потерял сознание.

Глава 4

Очнулся я у бабушки, на железной кровати, на которой лежал толстый, упругий матрас, покрытый белой вуалью с кружевной вышивкой, а под головой лежала большая подушка, набитая перьями неизвестных мне птиц. Я не понимал, что произошло и как оказался тут. В двухкомнатной квартире, абсолютно в другом городе. В спальне, где раньше жил мой отец и его младший брат.

Моя бабушка особо не вдавалась в подробности и как-то с небольшой отчужденностью смотрела на меня, когда я спрашивал, как я тут оказался и что произошло. Она лишь рассказала, что меня нашли без сознания в подвале заброшенного здания. После чего приняла решение забрать меня к себе. Я спрашивал про брата и про остальных мальчишек, но она молчала.

Я не мог вспомнить ничего из того, что было после того, как я нашел обгорелую фотографию девочки. От чего еще больше не понимал, почему мама не хотела меня видеть? Где был мой брат? И почему моя бабушка, которая единственная на всем белом свете любила меня больше всего, настороженно разговаривала и смотрела на меня.

Дедушки давно не было, и оттого, когда я приезжал к ней на выходные, она всегда была безумно счастлива. Мой отец так же, как и меня, не посещал её. Я так и не узнал, кто он

и чем занимался. Знал, что он просто высылал деньги, сначала моей маме, а затем бабушке.

Первое время я никак не мог смириться с тем, что мне ничего не говорят и злился на бабушку, когда она молчала в ответ на мои вопросы, а их было у меня очень много. Так продолжалось недолго. Я уже смирился с тем, что никогда не увижу свою маму и младшего брата. И стал надеяться, что увижусь с родным отцом. Раз я жил с его мамой, то должен же он был навещать её хоть иногда. Но все мои попытки встретить его были тщетны.

Через год я пошел в школу. Было страшно. Я никого там не знал и надеялся, что заведу новых друзей, но что-то постоянно останавливало меня заговорить с другими и как-то сблизиться с кем-то.

В школу меня записали в последнюю очередь и впопыхах. Так как я появился неожиданно и был из другого города. Мест к началу учебного уже не было и меня записали под какими-то удивительными предлогами, чтобы я не просидел целый год просто так.

После чего началось то, благодаря чему мы с тобой и познакомились. Я каждую ночь просыпался в ужасе, весь в поту и слезах. Горло моё хрипло, от вопля. Мне постоянно снилось что-то ужасное. Иногда я не помнил ничего, а иногда я помнил все очень четко. Белую комнату, уставленную мебелью. Возле входа стояла детская железная кровать, рядом с ней стоял шкаф с одеждой. Посередине комнаты сто-

ял небольшой столик с вазой, в которой находились цветы и фотография в рамке. У противоположной стены от выхода стояла еще одна кровать, вся грязная и в непонятных пятнах.

Девочка с фотографии игравшая в куклы возле своей кровати. Я играл вместе с ней. И создавалось такое ощущение, что я был тем самым мальчишкой, который стоял рядом с ней на фотографии. Она улыбалась мне, разговаривала о чем-то со мной и называла братиком. Затем приходил мужчина, одетый в темно-зеленый комбинезон и штаны. Она моментально менялась в настроении и чуть было не кидалась на него, в ярости пытаюсь выбраться из этой комнаты.

Мужчина приходил за мной. Он уводил меня, но ему приходилось буквально отбиваться от девочки. Бить её, чтобы та утихла.

Каждый раз сон заканчивался только тем, как я стою и смотрю на огонь, танцевавший в её комнате, и слышу вопль. Смотрю, как она сгорала заживо, моля и взывая именно ко мне, чтобы я её спас. После чего пламя начинало протягивать свои языки в мою сторону, и я просыпался. Что там происходило, и почему её сожгли заживо? И как это относилось ко мне? На эти вопросы и ты не смог ответить мне, мой друг. Да и как? Никто не был в состоянии объяснить мне происхождение этих снов. Но ты пытался, я знал, что ты искренне хочешь помочь девятилетнему мальчику, который страдал от кошмаров. И в конечном итоге ты смог мне помочь. Твои объяснения и рассуждения, не без таблеток, ко-

нечно, которые ты мне выписывал, помогали мне бороться со страхами.

Ты был единственным, с кем я мог и хотел разговаривать. Я благодарен тебе за все наши обсуждения, все твои наставления. Благодаря тебе я окончил школу с отличием, хотя эту школу закончить особых трудов не составляло. Окончил университет и получил диплом маркетолога.

Я знаю, что нам не удастся еще раз свидеться, поэтому говорю тебе здесь. Спасибо!

На последнем курсе я встретил её. Ту, что стала моей жизнью. Мария была прекрасная, молодая, веселая и единственная, кроме тебя, с кем я смог заговорить. Удивительно было и то, что кошмары прекратились совсем. Да, ты помогал мне их побороть, но они находили снова. Мария избавила меня от них навсегда. Они остались лишь воспоминанием, ужасным и пугающим. Она вдохновила меня на писательство. Первая книга была про любовь. Может, помнишь, я выслал тебе один из первых печатных экземпляров, но она получилась так себе. Марии, конечно, понравилась, так как она была написана про нас. Последующую я уже начал писать про ужасы, вспоминая сны, которые непонятным образом навевались мне, как будто из другого мира.

Мы мечтали о собственном доме. После свадьбы мы решили все деньги, что у нас были в виде подарков, отдать как первый взнос за ипотеку и купить участок, после чего построить небольшой двухэтажный домик.

Мы так и поступили. Да, мы женились через полгода после того, как встретили друг друга и сразу же влезли в такое, в чем загнивает вся страна, но я её любил, безумно любил и не мог даже представить кого-то другую вместо неё. Еще через год мы все-таки переехали в свой дом. Участок был маленький. Мария не хотела больше, чем необходимо. Всё ограждал высокий забор из профнастила коричневого цвета. Ворота распахивались внутрь и открывали вид на небольшой деревянный двухэтажный домик с почти плоской крышей, у которой был лишь небольшой скос градусов десять, чтобы во время дождя или снега ничего не скапливалось на крыше.

Прихожая сразу переходила в гостиную, которую от гостевой комнаты отделяла лестница на второй этаж. В задней части дома находилась кухня. Большая и широкая. Она охватывала и гостиную, и гостевую комнату. А раздвижные двери выходили на задний не большой участок, с которого открывался вид на лес. Мы переехали за два дня. Дольше разбирали вещи. Вещей оказалось много. Мы и не думали, что за полтора года можно столько накопить. В основном это была одежда и обувь. Я даже нашел свою старую кожанку, которую потерял несколько месяцев назад. Но то, что я обнаружил в ней, ввергло меня в нескончаемый ужас и истерику. Из кармана я достал фотографию, которую нашел в том подвале. Точно такую же, как я её запомнил, обгоревшая с левого края, на которой четко виднелась только маленькая де-

вочка, державшая за руку мальчика.

Я закричал от страха, у меня выступили слезы. Я начал метаться по комнате, держа её в руках. Мария была в оцепенении и смотрела на меня, открыв рот. Через время она все-таки подошла, выхватила из рук фотографию и выкинула на улицу. Она поняла, что ввергло меня в истерический ужас. Я ей благодарен, что она не задавала вопросов, потому что не было на них ответа.

Глава 5

Дальнейшее моё повествование будет максимально подробным, чтобы у тебя, мой друг, не возникло малейшей мысли, что я говорю вымысел или какой-то бред безумца.

Вторую ночь подряд раздавался пронзительный крик. Как будто маленькая девочка вопит от боли, ужасной боли, которую ты чувствуешь. Она пронизывает тебя изнутри, заглядывает в самые темные уголки твоего сердца и вырывает все наружу. Вторую ночь я не мог уснуть.

Месяц мы радовались, пока не начались крики. Вторую ночь подряд невозможно уснуть. Мария тормошила меня, стараясь разбудить. Когда я просыпался, она смотрела на меня с ужасом, застывшим в глазах. Она говорила, что кричал только я. Что это я издавал ужасающий вопль, и никого другого она не слышала. Она просто сжимала мою руку со всей силы и не переставала утешать меня.

– Все хорошо любимый, я рядом. – повторяла она. – Просто страшный сон, надо было получше укрыться одеялом.

Я просыпался весь в поту и с охрипшим горлом. Жена сидела рядом со мной, пытаюсь успокоить, не понимая точно, как и что влекло за собой такое поведение, что заставляло меня кричать в агонии нечеловеческим голосом.

Я всегда вставал рано утром вместе с женой, несмотря на то, что творилось ночью. Идти мне никуда не надо бы-

ло, просто безумно любил смотреть, как она готовит завтрак: яичница с поджаристой корочкой, картошечка, нарезанная кружками, сваренная и обжаренная в сливочном масле, свежие помидорки и огурчики, купленные на рынке прошлым вечером; да и дел было полно – книги себя сами не напишут.

– Люблю тебя! – сказал я ей на прощанье.

– И я тебя люблю! – ответила она. – Не переживай сильно. Все должно пройти, ты же уже как-то поборол свои страхи. Позвони Павлу Александровичу, он поможет.

– Хорошо, любимая.

Как понимаешь, я тебе тогда не позвонил, может, забыл, заработался, а может, чего-то боялся.

День пролетел быстро. До обеда писал, не отрывая пальцев от клавиатуры. По какой-то причине я выкладывался по полной и старался как можно быстрее закончить рассказ. После обеда я погрузился в рассказы других таких же малоизвестных авторов. Всегда считал, что лучше стоит прочитать одну плохую книгу, чем две хороших. Связанно это с тем, что ты поймешь, как писать не стоит, обратишь внимание на ненужные детали и не станешь делать так же в своих произведениях. Этого не сделаешь с хорошими книгами, они на то и хорошие, бестселлеры, классика жанра. Попробуй только назови хоть одну книгу Стивена Кинга плохой, и на тебя обрушится тонна негодования его поклонников. При том, что даже сам Кинг не считает все свои произведения хорошими, как собственно и я. От хороших я тоже не от-

казывался, без них никак, они же бестселлеры.

За всем этим делом время пролетело незаметно, и ровно в шесть тридцать вечера Мария приехала домой.

– Олег, помоги мне с сумками. – раздался голос снизу.

– Иду дорогая. – я пулей вылетел из кабинета и спустился по лестнице, чтобы не заставлять ждать и без того уставшую жену. – Прости, я заработался.

– Как успехи с книгой?

– Отлично, почти закончил.

– Ты мне так и не расскажешь, о чем она?

– Пока нет. Будет сюрпризом.

– Главное хорошим, а не как в прошлый раз.

– Уверяю, тебе понравится. – после того как я помог Маше раздеться, взял сумки с едой и отнёс все на кухню. – Я приготовлю ужин, а ты пока сходи в душ, отдохни.

– Ты словно читаешь мои мысли.

Мария поднялась на второй этаж и включила душ. Я занялся приготовлением ужина. Она любит, когда я готовлю. Да и я люблю импровизировать на кухне. Стараться сочетать несочетаемое. Создать что-то новое или улучшить что-то старое. Не всегда, конечно, хорошо получается, но я ни разу не слышал от жены, что ей не понравилась моя еда. Мне потребовалось сорок минут, чтобы приготовить яичную лапшу с курицей в соусе терияки. Мария уже вышла из душа и с нетерпением ждала, когда я закончу приготовления.

– Приятного аппетита! – Сказал я, положив на стол вто-

рую вилку и заварив пакетики чая.

– И тебе приятного аппетита. – с уже наполовину наполненным ртом пожелала Мария.

– Проголодалась? Как на работе? – поинтересовался я.

– Ты не представляешь, насколько. Я еще в душе почувствовала запах специй и курицы, после чего у меня настолько сильно стало сосать под ложечкой, что я думала, мой живот изнутри начинает себя поглощать. На работе спокойно, встреча прошла хорошо. Ему все понравилось, и он нанял меня, как своего пиар-менеджера.

– Это же отлично! Нужно выпить за это. Где у нас тут вино было?

– Если ты про то, что мы привезли из Турции, то боже упаси. Хуже вина я в жизни не пробовала. Мне кажется тебя все-таки обманули. К тому же я очень устала. Никак не могу выспаться, ты знаешь из-за чего, поэтому я бы хотела лечь спать пораньше.

– Да, я понимаю любимая. Не переживай, на этот раз я помою посуду...

– Хорошо. Ты позвонил Павлу Александровичу?

– Ннет, – ответил я, и отвел от неё взгляд в сторону. – Не успел. Углубился в работу и не нашел времени, а сейчас уже поздно, чтобы звонить. Завтра с утра, обещаю.

– Хорошо.

Мария молча залпом выпила кружку чая. Поцеловала меня в щеку и пошла наверх, сбрасывая с себя полотенца, в ко-

торых она сидела весь ужин, оголяя свое прекрасное стройное тело, маня меня к себе.

Прибравшись на столе и вымыв посуду, я медленно пошел наверх, в нашу спальню, которая была прямо перед лестницей, с просторными панорамными окнами, откуда открывался вид на сад и еловый лес. Комната была гораздо меньше кухни, но при этом в ней смогли поместиться двуспальная деревянная кровать, комод и столик с макияжными наборами жены. Все самое необходимое. К моему сожалению, моя возлюбленная уже слегка похрапывала. Никогда не понимал, как у неё это получается с закрытым ртом. Я решил не тревожить её и постарался максимально тихо и аккуратно лечь подле. Посмотрел на часы, полдесятого вечера, и уснул мертвым сном.

Глава 6

Проснулся я от осознания того, что рядом никого нет, и снова услышал этот пронзительный детский крик. Марии нигде не было.

– Любимая?

Лишь тишина последовала в ответ на мой вопрос. Я встал с кровати, внимательно осматривая комнату, трудно было разглядеть что-то в крошечной тьме.

– Мария? Ты где?

Спальня была пуста. Я вышел в коридор. По ногам прошелся легкий ветерок, как будто ставни на кухне кто-то открыл. Я медленно спустился вниз, попутно окликая свою жену, но в ответ – тишина. Ни единого звука или шороха. Зайдя на кухню и осмотрев все в ней находящееся, я не обнаружил аномалий, все окна и ставни были закрыты.

Затем я осмотрел гостевую. Небольшой тканевый диванчик, стоявший у входа, журнальный столик напротив электрокамина, кресло-качалка, в которой я в основном читал и наши с Марией фотографии, стоявшие на полках. Только одна фотография была странная... Стояла без рамки и как будто была вся мятая. Я подошел поближе и застыл в изумлении. Я не мог поверить – эта была та самая фотография, которая преследовала меня. Четверть левого края была сожжена, на которой отображался мальчик. Остались лишь его

тело и ноги. Справа от него стояла маленькая девочка. Как только я взял в руки фотографию, чтобы осмотреть поближе, кто-то будто бы пробежал за моей спиной. Маленькие ножки, ели слышно протопали рядом со мной. Я вздрогнул от ужаса.

– Маша? – спросил я. Моё тело тряслось от перевозбуждения.

На кухне также было пусто, но звук явно шел с этой стороны. Вдруг заметил, что дверь, ведущая в погреб, слегка приоткрыта. Не найдя на кухне фонарик, а только спички, я решил спуститься вниз.

Погреб был маленький, всего три квадратных метра. Использовался только для того, чтобы хранить в нем бабушкины соленья и овощи наподобие картошки и капусты. У меня никак не доходили руки провести окончательно свет. Оставалось только закрепить светильник или обычный патрон под лапочку, но я постоянно забывал, вспоминая лишь, когда приходилось спускаться за продовольствием или наоборот туда его положить, но при этом не забыл приобрести фонарик, которого я не нашел. Вероятно, моя жена нашла его первой и спустилась вниз.

В погребе на полу стояли деревянные ящики, заполненные свежевскопанной картошкой, привезенной из сада родителей Марии. На полках стояли банки с огурцами, помидорами, разнообразные варенья и грибы.

Моё внимание, привлекло тусклое свечение в дальнем уг-

лу небольшой комнаты. Подойдя ближе, я заметил щель, в которой мерцал свет. Я был в полном замешательстве, так как дополнительного пространства рядом с погребом не должно было быть. Попробовав сдвинуть стену, я понял, что она открывается от меня и подтолкнул. Она поддавалась, медленно и тяжело. Двигая её вперед, я задел фонарик. Он покатился, развернулся и ослепил меня своим лучом.

Щурясь и прикрывая глаза рукой, я начал буквально вслепую искать фонарик. Водя рукой по чуть шершавому бетонному полу, от которого исходил лишь морозный холод, я все-таки нашел его. Он был в чем-то липком, теплом. Взяв его в руки, я почувствовал, что он был в какой-то жидкости, но из-за крошечной тьмы разглядеть, в чем же, не представлялось возможным. По ощущениям напоминало что-то из-под грибов в банке, стоявшей около года под закрытой крышкой, только теплое и пахло... кровью?

Мои размышления прервала ужасающая картина, которая закралась в край глаза, когда я поднял фонарик и не отводил от него глаз. Картина, которая изменила всю мою жизнь и дала ответы на мои вопросы, не покидавшие меня с того момента, как я побывал в том зловещем подвале рядом с общежитием. Свет фонаря освещал Марию. Боже! Она была подвешена за руки и за ноги к углам стыка стен. Голова лежала поникшая на груди, а волосы, длинные и рыжие волосы, закрывали её обнаженную грудь. Она была выпотрошена, полностью. Все её внутренности лежали на полу, включая серд-

це и легкие. Не было надразезов на теле, а крайняя плоть была вся порвана. Создавалось впечатление, что кто-то вырывал все внутренности из неё, либо изнутри что-то вырвалось.

Будто вспышка вселенной произошла в одну секунду в моей голове, и воспоминания проносили длинным паровозом, стремительно и быстро. Я вспомнил то, что мой мозг пытался забыть окончательно и бесповоротно, защищая моё сознание. Я вспомнил своего брата, как мы стояли в том подвале, в той комнате. Этот ужасающий крик и маленькую девочку, которая стояла передо мной. Короткие обугленные волосы, разложившееся лицо, которое не имело кожи. Только лицевые мышцы, в которых копошились трупные черви. Из рта вместе с черной, вязкой слюной, высывался язык, который как будто бы играл со мной.

Она стояла рядом с моим братом, в длинном черном платье, обрамленном белой бахромой, обгоревшем и будто бы прилипшем к костям и остаткам плоти. Я стоял и внемлил её словам, она подвигла меня убить его. Убить собственного брата. Она пробудила во мне самые страшные и гневные эмоции. Поддавшись которым, я раскроил ему череп.

Я бил его и бил, первым, попавшимся под руку камнем. Бил с жестокостью, оставляя лишь вместо его головы кровавое месиво из костей, крови и мозгов. Небольшие части разлетались по комнате от каждого удара. Я сидел коленями на груди и дробил камнем череп, пока от его головы не осталось ничего. Камнем я расплющил его глазные яблоки и от-

резал язык. Затем кто-то сзади ударил меня по голове.

И моя жена, Мария, господи! Я убил её. Мой разум показывал мне воспоминания, как я ударил её, чтобы она не сопротивлялась. После чего, за волосы, длинные и рыжие, я волок её сюда, в эту скрытую комнату. Привязал её руки, после чего начал потрошить, разделявая плоть ногтями, яростно и быстро, пока не удалось проделать дырку в её животе, и все кишки не вытекли на пол. Она еще была жива и визжала от боли, всхлипывая и моля, чтобы я прекратил. Она вопила и дергалась, пытаясь вырваться.

Но это продолжалось недолго, из-за потери крови она замолчала. Ноги Марии болтались и мешали мне. Я привязал их подобным образом, что и руки. После продолжал вырывать внутренности. Порвав кожу от её шеи, до самого низа так, чтобы ни один из органов не остался внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.